

Глава 15. Оборона возвышенности (10)

Острая боль в груди не давала мне шевельнуться, сидя на земле. Не то, что встать и идти вперед — даже глубокий вдох вызывал резкие уколы в сердце. Мимо пробегали бойцы, но никто не останавливался, не оборачивался, не бросал на меня взгляда.

Я не злился на их равнодушие. На войне кровь и смерть — обыденность. Никто не знает, не оборвёт ли пуля или осколок его жизнь в следующую секунду. В такой момент, когда каждый сам за себя, кому есть дело, кто лежит на земле — рядовой или офицер?

Когда боль чуть утихла, я осторожно расстегнул пуговицы гимнастёрки и взглянул на рану. На груди, прямо на длинном медном ключе, висевшем на шнурке, торчал чёрный зазубренный осколок. Ключ был сильно погнут — похоже, именно он спас мне жизнь, приняв на себя смертельный удар. Но кожа вокруг, белая и гладкая, покраснела и опухла, и даже лёгкое прикосновение отзывалось жгучей болью.

Терзая грудь, я с трудом поднялся. Пистолет, что был в руке, куда-то пропал. Оглядевшись, я заметил неподалёку мёртвого немецкого солдата, сжимавшего автомат. Шатаясь, я подошел, нагнулся и, рванув, выхватила оружие из его рук.

Сражаться в штыковом бою я не собирался — это дело мужчин. Даже будь я в другой жизни, такие подвиги, требующие отваги и сноровки, были не для меня, а уж тем более теперь, когда я — хрупкая женщина. Повесив автомат на грудь, я положил правую руку на спуск, а левой осторожно массировала раненое место и, пошатываясь, двинулся вперед.

Когда я добрался до края траншеи, бой уже затихал. Большинство немцев либо были застрелены, либо заколоты штыками. У многих из них были автоматы — мощное оружие для штурма, но в ближнем бою, когда патроны кончались, немецкие солдаты с пустыми автоматами не могли тягаться с нашими бойцами, орудовавшими винтовками с примкнутыми штыками.

В траншее не осталось и следа от обычной земли: почва стала то багровой, то алой, пропитанная кровью и плотью. Немецкие солдаты выли и молили о пощаде, наши бойцы оглушительно кричали, рубя врага. Мир вокруг превратился в ад на земле, где царили лишь отчаяние и ярость.

Я нажал на спуск и уложил немецкого раненого, который, корчась, бросился ко мне. В сердце не шевельнулось ни капли жалости. На поле боя, где решается, кому жить, а кому умереть, нет места бабьей мягкосердечности — иначе не заметишь, как сам пропадёшь.

Когда траншея снова оказалась в наших руках, я, только что возглавлявший атаку, вдруг растерялся, не зная, что делать дальше. К счастью, мой заместитель, лейтенант Савченко,

оказался опытнее: он тут же организовал бойцов — одни укрепляли позиции, другие принялись помогать раненым.

Я безучастно смотрел на нашу артиллерию, которая продолжала бить по немецким позициям, оставляя за собой лишь дым и пустоту — ни одного стоящего немца. В голове крутилась мысль: какой же позорный вышел бой. Немцы так легко прорвали нашу оборону! Если бы не поддержка армейской артиллерии и наша контратака, этот холм уже был бы потерян. Захватив безымянную высоту, немцы сделали бы её плацдармом для удара во фланг главного рубежа. А если бы пал главный рубеж, советская оборона рухнула бы, и враг ворвался бы в Ленинград.

— Товарищ лейтенант, — один из бойцов тронул меня за плечо и прокричал: — В блиндаже телефон! Звонит штаб армии, просят командира!

Я последовал за ним в укрытие, взял трубку с грубого стола и представился:

— Лейтенант Осянина, командир зенитной батареи, веду бой. Прошу ваших указаний.

— Что у вас там? — голос на том конце был резким, почти грубым. — Где капитан Хлебопов?

— Товарищ капитан погиб, — ответил я, стараясь держать голос ровно, хотя не знал, с кем говорю, и сдерживал раздражение. — Немцы при поддержке танков захватили нашу первую линию. Моя батарея уничтожила танки зенитным огнём, а затем, с помощью армейской артиллерии, мы контратаковали и отбили позиции.

— Где капитан Храпов, политрук первого ранга? — после короткой паузы спросил голос в трубке.

— Тоже погиб, — ответил я. Собеседник не назвался, и я не хотел лишних разговоров. Сказав это, я замолчал.

— Это генерал-майор Федюнинский, командующий армией, — спустя мгновение раздался другой голос. — Докладывайте, какова обстановка.

— Потери среди бойцов огромные, почти все офицеры убиты. Нам нужна поддержка, — сказал я, не уверенный, когда немцы снова пойдут в атаку. С нашими силами и снаряжением отбить новый штурм не выйдет, поэтому я без обиняков попросил подкреплений.

— Я немедленно вышлю вам роту морпехов, — ответил он, помедлив, и добавил: — Они будут на позициях примерно через час.

— Есть, — услышав, что помощь скоро придёт, я ощутил, как с плеч свалился груз.

– Вы немедленно принимаете командование, – твёрдо приказал Федюнинский. – Новые силы тоже подчиняются вам, понятно?

– Так точно, товарищ командующий.

– Мой приказ: держите позицию любой ценой! Если потребуется подкрепление — звоните. — Не дожидаясь ответа, он повесил трубку.

Через час рота морских пехотинцев прибыла на позиции. Их командир, капитан Пастухов, явился в блиндаж и доложил о прибытии.

Я распределил два взвода морпехов на первую траншею, чтобы усилить оборону вместе с нашими бойцами под командованием капитана Пастухова. Оставшийся взвод и уцелевшие зенитчики отошли во вторую траншею.

Когда армейская артиллерия прекратила огонь, на немецких позициях воцарилась тишина. До самой темноты немцы не предприняли новой атаки.

Я выдохнул с облегчением, ясно осознавая: высота удержана!

<http://bllate.org/book/16020/1429209>